

Меня зовут Степан. Люблю техно и паназиатскую кухню. В «Инсте» почти полторы сотни подписчиков. Что еще о себе рассказать? Двадцать восемь лет. Живу с мамой. Есть кошка Мурка, черно-белый перс, она словно проникла в наш мир из первых фильмов. А вот девушки у меня нет. Вообще я считаю, что женщины — какие-то потусторонние существа, и наладить с ними взаимовыгодные отношения невозможно. То ли дело Мурка! Тоже иногда рожицу воротит, но, в целом, вполне дружелюбная и отзывается на «кис-кис».

Но хватит о кошках. Расскажу лучше о своей работе, и о том случае, от которого до сих пор мурашки по коже. Работаю я в Департаменте охраны. Охраняю Министерство нужных бумаг.

Некоторые думают, что Департамент охраны — это подразделение МВД. С такими товарищами я сразу же провожу разъяснительную беседу. К МВД мы никакого отношения не имеем.

Да, у нас темно-синяя форма, а на голове — кепка с эмблемой. Есть еще нашивка «Департамент охраны», ну и бейдж с личными данными. Но ни пистолетов, ни наручников нет. Главное наше оружие — тревожная кнопка. И палец, чтобы ее нажимать.

Из-за того, что пальцы есть практически у всех, в Департамент берут даже инвалидов. Главное, чтобы человек не заснул на посту и среагировал на подозрительные события. Если что-то происходит, мы вдавливаем кнопку, и через пару минут приезжает группа быстрого реагирования: в бронезилетах, с автоматами.

Но есть одна тонкость — ночные дежурства подразумевают регулярный обход территории, а инвалиды с таким хождением справляются не очень. Поэтому я всегда меняюсь — отдаю им свои дневные дежурства, а сам дежурю по ночам. Спокойно, тихо, посетители на мозг не дают.

Начальство не видит в заменах ничего крамольного. Почему-то ночные смены считаются более сложными, поэтому мне даже доплачивают. В остальном, считайте сами — работаю ночь через две. Десять-одиннадцать раз в месяц. Правда, как выразился майор Додосов, мой непосредственный начальник: «Личико ты теперь материально ответственное!» Бог с ним, с Додосовым — он всю жизнь провел в сапогах,

юмор у него специфический, а у меня — тук-тук-тук! — никаких проблем ни разу не было. Если, конечно, не брать в расчет тот случай, о котором я расскажу.

Министерство нужных бумаг расположено в тихом районе. Жилых домов здесь практически нет, а те, что есть, малоэтажные, поэтому аборигены по ночам появляются редко. Разве что в пятницу или субботу пройдет разгоряченная компания или бабушка собачку выгулять выскочит. Но этот контингент к министерской ограде приближается редко, понимает, что здание важное, государственное, с большим флагом на крыше.

А я сижу за своим пультом и через камеры слежу за происходящим. Все подступы видны. Если кто-то вздумает через ограду перелезть, я сразу — хоп! — и кнопочку жму. Не успеет нарушитель до стен министерства дойти, а уже слышны сирены машины, на которой мчится группа захвата.

Кстати, камеры и в здании установлены: в основных коридорах и на лестницах. На случай пожара или залития. Но о таком я ни разу не слышал, все функционирует, как часовой механизм.

Одним словом, моей работе можно только позавидовать. Сидишь за пультом, как в кабине космического корабля, за камерами следишь. И все силовые органы страны готовы прийти на помощь в случае форс-мажора.

На прошлый Новый год рассказал маминему брату, дяде Андрею, о своей работе, а он, уже хорошенько пьяный, ляпнул:

— А вдруг призрак или приведение какое...

— Что ты, Андриюшенька, за страсти говоришь! — ухватилась за сердце мать.

— Какие призраки?! — захохотал я. — У нас же везде камеры, нет никаких призраков. Одна цивилизация.

Накаркал!

На ту августовскую ночь пришлось новолуние. Темно. Если бы не свет фонарей, ничего вообще не увидеть. Хотя я к таким периодам отношусь спокойно. Камеры вокруг Министерства нужных бумаг инфракрасные. Им что день, что ночь — в любых условиях картинка четкая. И нет статистики, что злодеи в безлунные ночи чаще пытаются прокрасться к важным государственным объектам. В ту ночь тоже все было тихо.

Почти половина ночного дежурства прошла, и отправился я в час ночи на очередной обход здания. Если думаете, что обход — это прогулка с фонариком по темным коридорам, ошибаетесь. Конечно, фонарик у меня всегда под рукой — на тот случай, если вдруг электричество в районе пропадет. Но в обычных условиях я просто приближаюсь к очередному участку, включаю свет, прохожу по коридору и жму на выключатель.

Но в тот раз началась чертовщина.

Со стороны одной из стен, мимо которых я проходил, повеяло зимним холодом! Если бы жаром дыхнуло или дым пошел — понятно. Пожар начался. А тут посреди августовской ночи — мороз. Я даже к стене присмотрелся, вроде как иней на ней выступил. Что за бред?! Я глаза протер и соображаю, что там за этой стенкой. Наконец дошло — там министерский гараж. Но ночью машин почти нет — начальство на них по домам разъезжается.

Еще раз всмотрелся в стенку — нет, вроде и не иней, это штукатурка так отсвечивает. Да и откуда за стеной холоду взяться?! Ни холодильников, ни рефрижераторов там отродясь не стояло. Как мне кажется, в гараже даже кондиционеры не предусмотрены. Но морозным холодом тянет. Что делать? В инструкции о таких случаях ни слова.

Потрогал лоб, температуры нет. Потрогал стену — ледяная, как будто за ней — зима и минус тридцать. Мистика! А в голове мысли проносятся. Нажать на тревож-

ную кнопку?! Примчатся ребята в бронежилетах, я их проведу к этой стенке, а она уже нагрелась. Что мне группа захвата скажет?

Позвонить Додосову? Он третий сон видит, точно не приедет, а вот депремировать — депремирует, и вопросы потом появятся. То, что Департамент охраны состоянием моей головы заинтересуется, такой же факт, как и то, что стена ледяная.

И тут я решил — не заметить происходящего. Пошел дальше по коридору. Но не сделал и пары шагов, как за спиной что-то хрустнуло, словно кусок пластика сломался. С мыслью: «Откуда там пластик?» — я обернулся и остолбенел... Из стены, за которой гараж, медленно просачивался призрак. Выглядел он так, будто кто-то решил выдуть из сигаретного дыма фигуру девушки. Получилось жутко — в человеческий рост, спутанные волосы, длинное платье, тонкие руки. И плывет в воздухе, как идет, только ног нет. Там, где должны быть ноги — пространство над полом.

И мы с призраком вдвоем — одни в ночном коридоре.

Я чуть не заорал. Девушка из дыма почувствовала мое присутствие, повернула голову, и я услышал хриплый голос:

— Узнаешь меня?

Самое дикое во всем этом — то, что губы девушки не двигались, а глаза смотрели прямо на меня. Оцепенение стало проходить, и я влажной рукой выхватил из кармана фонарик, направил в сторону сгустка дыма луч света. Но луч прошел сквозь призрачное видение и уткнулся в угол.

— Хватит истязать меня,— захрипела девушка и поплыла к противоположной стене.— Убери луну!

Мои нервы не выдержали, и я бросился к дверям, за которыми скрывалась спасительная лестница. Добежав, обернулся — коридор был пуст. Никаких призраков, никакого поломанного пластика — ничего. Я отдышался и выключил свет.

У пульта мне пришла в голову гениальная мысль. Нужно отмотать запись с событиями в коридоре назад. Это позволит проверить, был ли там кто-то еще кроме меня или что-то произошло с моей психикой? Но я тут же понял, что так расхваливаемые мной камеры только выводят на экраны изображение происходящего. Запись, если где-то она и ведется, осуществляется точно не здесь.

Что же делать? Я глотнул теплого кофе из термоса, походил вокруг пульта и пришел к единственному правильному, как мне тогда показалось, решению. В коридор у гаражей этой ночью я больше не пойду. Достаточно наблюдений за ним с помощью камеры. Никому о девушке с хриплым голосом я тоже сообщать не стану, потому что ее попросту не может быть, а, значит, и не было. Если на записи что-то и осталось, скажу, что ничего не видел. Мало ли какие оптические иллюзии выдают камеры. Техника не совершенна.

Но безлунная ночь так просто не закончилась. Примерно в полпятого, наблюдая краснеющими глазами за картинками, подаваемыми с камер, я снова услышал знакомый треск, будто лопнул лист пластика. Я замер, не решаясь посмотреть на происходящее за пультом, но затем все-таки посмотрел.

Девушка, тот самый безногий призрак, плыла прямо ко мне через широкий холл Министерства нужных бумаг. Я вскочил:

— Кто ты? Что тебе надо?

Девушка захрипела, не открывая рта:

— Вспомнил? Ты так долго пытал меня лунным светом!

Страшный голос вывел меня из ступора — я посмотрел на экран с изображением холла передо мной. Холл был пуст: никакого дыма, никаких девушек — ни души. Я перевел взгляд на призрак — он медленно приближался. В голове мелькали мысли: «Что делать? Не нажимать же тревожную кнопку! Нет. Перекреститься?» Перекрестился, но девушка не исчезла. В каком-то фильме герой в такой ситуации рисовал

вкруг себя защитную пентаграмму! Нужен мел! Но мела у меня не было. Попробовать нарисовать круг шариковой ручкой?

Так я и стоял, думал, что можно сделать, но ничего не делал. А девушка подплыла.

Между мной и призраком оставалось менее трех метров, когда на улице послышался шум подъезжающего автомобиля. Девушка вздрогнула, повернула голову к входной двери и пропала. Не лопнула, не испарилась, не утекла — просто холл перед мной вмиг стал таким же пустынным, как и на экране.

Завибрировал звонок — у входа топтался проверяющий. На трясущихся ногах я подошел к дверям и впустил внутрь ночного посетителя. Тот сразу почувствовал неладное:

— Что с вашим лицом?

— Ни-ни-че-го... — я провел по голове ладонью, пытаюсь понять, что вызвало подозрение проверяющего.

— Вы спали? — визитер буквально наступал на меня.

Я чуть не споткнулся о порог, и это привело меня в чувство:

— Вы не показали документы!

— Точно, — проверяющий протянул удостоверение и цветную бумагу с наполовину написанным от руки текстом.

Пока я изучал документы, визитер принюхался:

— Вы тут курите?

— Нет. А разве здесь пахнет сигаретами?

— Очень странный запах. Как будто помещение только что покрыли побелкой, а потом здесь прогрел двигатель армейский грузовик.

— А-а-а... — протянул я, отдавая документы.

Проверяющий ловко спрятал их в карман, развернулся и пошел к выходу. На пороге он заметил:

— Вы бы проветривали, что ли! А то угорите здесь... — дальше последовало нецензурное слово.

Мы попрощались. Я прислушался к совету — приоткрыл окно. Призрак в ту ночь больше не появлялся. Утром я вернулся домой, поел котлет с макаронами и лег спать. После пяти часов сна появилась мысль, что призрак все-таки мне привиделся. И виноваты в этом бензиновые испарения из гаража.

На следующий день мы с мамой сходили на юбилей к дяде Андрею. Празднование затянулось далеко за полночь, и я лег спать почти под утро. Поэтому долго не мог сообразить, почему мне ночью звонит Додосов — на него была установлена специальная мелодия, советская «Чунга-Чанга».

— Спишь?! — заревел в трубку начальник. На часах было восемь тридцать утра.

Пару мгновений я соображал, почему я не должен спать, а потом ответил:

— Ну, да. Мне же сегодня в ночную.

— В Департамент! У нас — ЧП.

Меня словно холодной водой облили. Я впопыхах собрался, вызвал такси и поехал к Додосову. Пока ехал, в голове крутилась мысль: «Неужели камеры слежения все-таки зафиксировали какую-то картинку? Все, я попал. Теперь точно выгонят с волчьим билетом!» Но ситуация оказалась еще более паршивой, чем я предполагал.

Как только я прошел через турникет, ко мне подбежали люди в форме и куда-то повели, явно не к Додосову. «Если они меня в чем-то подозревают, могли бы сразу домой приехать», — успел подумать я перед тем, как меня почти втолкнули в кабинет и усадили на стул. На этом стуле я провел следующие четыре часа.

Оказалось, что сотрудника Департамента, который дежурил в ночь после меня, нашли мертвым. Никакого криминала. Умер от сердечной недостаточности. В этом событии не было бы ничего странного — коллеге шел седьмой десяток, а в этом воз-

расте проблемы с сердцем — явление распространенное, но молодой охранник, который дежурил в ночь после умершего, просто исчез.

Первые несколько часов допроса я не мог понять, чего же хотят лично от меня, и как можно исчезнуть из здания министерства, которое находится под круглосуточным видеонаблюдением? Потом мне показали видео, и я понял, что пары бензина, на которые я списал свои галлюцинации, были какими-то совсем не бензиновыми.

Видео с умершим получилось жутковатым, но логичным. Коллега сидел за пультом, затем резко вскочил, словно увидел перед собой что-то странное, схватился руками за ворот рубашки и рухнул обратно. Так и остался лежать в кресле, глядя в какую-то точку поверх экранов. На видео, в правом нижнем углу, я заметил время: «04.27»,— секунды на записи продолжали сменяться, но тело в кресле оставалось неподвижным.

А вот видео с исчезновением я попросил показать несколько раз, настолько оно шокировало. Человек за пультом положил подбородок на сложенные на столе руки. Со стороны сказать — спит он или следит за экранами — невозможно. Ракурс съемки не позволял. Мое мнение — спал, но сейчас этого никак не докажешь, да и доказывать незачем. Потому что спящий попросту исчез. На кадре со временем «04.27.12» охранник еще лежит перед экранами, а на кадре «04.27.13» там никого нет.

— Шапку-невидимку на него, что ли, накинули? — развел руками следователь и подозрительно посмотрел на меня.

«Или подолом-невидимкой накрыли»,— подумал я, ощущая, что волосы на голове шевелятся, но следователю сказал:

— Можно в туалет?

— Нет! — рявкнул следователь.— Пока не разберемся, что к чему, будешь сидеть!

— Вы думаете, это я его похитил?

— Рано пока думать! Факты нужны.

— Может, сбой в системе видеонаблюдения. Время идет, а картинка застыла. Человек встал и вышел из здания.

— И исчез в городе? — скривился следователь.

— А может у него сообщники были, которые картинку подменили,— я выдвинул очередную гипотезу и тут же пожалел об этом.

— Какие сообщники? Фамилии?

— Не знаю я никаких сообщников,— мне стало казаться, что я откровенно ною, но в моей ситуации ничего другого не оставалось.— Так в фильмах бывает. Время идет, картинка не меняется, а преступники банк грабят.

— В каких фильмах? — перекиривлял меня следователь.— Кому придет в голову грабить Министерство нужных бумаг? Что там брать? Принтер?

— Тогда у меня нет версий,— заскулил я.

Но следователь будто не слышал этих слов. Он снова оживился:

— Ты так и не объяснил, почему в ночь дежурства бегал по коридору!

— В какой-то момент мне стало жутко. Показалось, что в коридоре еще кто-то есть. Вот и побежал,— повторил я, наверное, в десятый раз.

— Кто там был?

— Никого там не было. Но стало жутко.

— У тебя проблемы с головой? Панические атаки? Как тебя в охрану взяли?

Я задумался:

— Может быть, это такое воздействие паров бензина. Вот и товарищ проверяющий говорил, что бензином пахло.

— Хватит мне про пары бензина,— махнул рукой следователь.— Проверяющий сказал, что был запах стройки и выхлопных газов. А это не бензин.

— Но откуда-то же запах взялся!

— Разберемся с запахом,— следователь взглянул на меня исподлобья.— Сейчас главное понять, куда человек делся? Ладно, иди в туалет. Только из здания ни ногой.

Той ночью в Министерстве нужных бумаг дежурила группа захвата. Сидели на стульях, сопели, звякали автоматами. Во время обходов следовали за мной по пятам, как отряд телохранителей. Но ничего странного не происходило.

В коридоре, примыкающем к гаражу, я специально каждый раз приближался к стене, из-за которой в прошлый раз проникал морозный холод. Но температурных аномалий не замечал. Стена, как стена, как все стены в министерстве или в других бетонных домах.

Ради интереса, я даже в холле не проветривал, решил, что если галлюцинации вызывают испарения, то видения в такой обстановке возникнут у всех, и автоматчики вместе со мной увидят призрака. Но снова ничего. Утром пришел сменщик, я попрощался с группой захвата и покинул пост.

По дороге домой зашел в церковь, поставил свечку, только так и не решился спросить, что нужно делать, если видишь призрака...

Молодого охранника не нашли: ни живым, ни мертвым. И призрака с тех пор я не видел. За охраной следили почти неделю, а потом людей с автоматами убрали.

Меня еще несколько раз вызывали в разные государственные организации, названия которых я вам не назову, потому что подписал бумаги о неразглашении. И везде я говорил, что никого той ночью не видел. Да и кого я мог видеть, если на камерах никого нет?

Я и сейчас по ночам охраняю Министерство нужных бумаг. Вот только ношу с собой два термоса: один с кофе, другой со святой водой. Мама сначала удивлялась — зачем вода? — но я ей сказал, что у нас участились перебои с водоснабжением, и второй термос нужен на всякий случай.

Кроме святой воды в термосе, в моем кармане всегда лежит большой кусок мела. Чтобы нарисовать защитную пентаграмму. Главное, не заснуть во время дежурства и вовремя заметить приближение призрака. Конечно, если он появится.

Пока тихо. Да и вообще тихо и спокойно, никто на мозг не давит. Сажу вот на работе. Ночь. Одиночество.

Минуту...

Что это?..